

0865



HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Рейчел Томас

СЕРДЦЕ
ПОД ПРИЦЕЛОМ



Подари себе мерту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Рейчел Томас

Сердце под прицелом

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Томас Р.

Сердце под прицелом / Р. Томас — «Центрполиграф»,
2016 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08391-3

Жизнь Николая Каннингэма, успешного бизнесмена, омрачена призраками прошлого. Вся свою жизнь он несет бремя тайны. Сможет ли встреча с начинающей журналисткой и фотографом Эммой Сандерс изменить его жизнь? Удастся ли ей узнать его секрет и разбудить в нем чувства, в которые он не верит?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08391-3

© Томас Р., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22



Рейчел Томас

Сердце под прицелом

A Child Claimed by Gold © 2016 by Rachael Thomas «Сердце под прицелом»

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены. Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Николай Каннингэм поежился от очередного ледяного порыва ветра, ожидая Эмму Сандерс, которая должна была приехать на следующем поезде. Серые облака низко висели в небе, предвещая снегопад. Погода идеально гармонировала с его настроением: он был по-настоящему зол, ведь какая-то незнакомка посмела вторгнуться в его жизнь и заставила вернуться обратно в холодную Россию, к семье, которая давно стала для него чужой. Они с матерью уехали из Владимира в Нью-Йорк, когда Николаю было всего десять, и тени предшествовавших их переезду событий до сих пор преследовали его, представляя угрозу разоблачения.

Поезд с шумом прибыл на станцию, и мужчина приготовился к тому, что ему предстоит вытерпеть один из ужаснейших дней в своей жизни. Он никогда не планировал возвращаться назад во Владимир. Но ему пришлось, потому что его бабушка неожиданно решила поделиться историей своей семьи с проектом «Мир в фотографиях».

С Николаем также связывались работники проекта. Неудивительно, ведь его бабушка очень любезно предоставила им его контактную информацию и сообщила имя, которое он теперь носил. Николай отказывался от участия в этой афере до тех пор, пока не узнал о решимости дальней родственницы возложить всю вину на плечи его матери, рассказав и показав то, от чего они сбежали в Нью-Йорк. Николай должен был защитить мать от болезненного прошлого и предотвратить упоминание о его родстве с семьей Петрушовых. У него не оставалось другого выбора.

Отойдя от края платформы, Николай наблюдал за тем, как пассажиры выходят из вагонов, вглядываясь в их лица. Он видел мисс Сандерс только на фотографии в Интернете и теперь пытался вспомнить, как она выглядит, чтобы узнать ее в толпе незнакомцев. И вдруг он увидел ее: она была одета на русский манер, из-за объемной шубы из искусственного меха и огромного шарфа ее лицо было видно не очень хорошо. Она с беспокойством оглядывалась по сторонам, крепко сжимая ручку маленькой сумочки. Мисс Сандерс вполне могла сойти за русскую, так хорошо она вписывалась в окружающую среду, но настороженность и неуверенность в глазах свидетельствовали о том, что она была чужестранкой.

Смирившись с тем, что он был вынужден это сделать ради своей матери, Николай направился к девушке. Она заметила, как он идет по направлению к ней вдоль платформы, и задержала на нем взгляд. Он был полон решимости как можно скорее разобраться с неприятным для него делом.

– Полагаю, вы мисс Сандерс? – Он остановился напротив нее, с удовлетворением отметив для себя, что они были примерно одного роста.

– А вы мистер Петрушов?

Ее голос был чистым и звонким, как морозное утро, а ее глаза зеленого цвета напоминали Николаю о бескрайних, непроходимых лесах России. Интересно, почему он заметил такие детали? Незнакомка отвлекала его, сбивала с намеченного пути.

Внутри его рос гнев. Красива она или нет, очевидно, что мисс Сандерс не очень тщательно провела исследование. Он отказался от своей фамилии и поменял ее на фамилию отчима – Каннингэм – семнадцать лет назад.

– Николай Каннингэм, – поправил он ее прежде, чем она успела задать следующий вопрос, и продолжил: – Надеюсь, ваша поездка не была очень утомительной.

– Прошу прощения, мистер Каннингэм. Я хорошо доехала, спасибо.

Он заметил, как она нахмурила брови, не понимая, почему у русского американская фамилия. Это ее не касалось, и Николай не был намерен ей ничего объяснять.

Он смотрел на тепло одетую девушку, и, хотя ее очаровательные глаза отвлекали от его мыслей, он все же не мог умерить свою злость.

– Вы, должно быть, та самая мисс Сандерс из «Мира в фотографиях»?

«Девушка, которая хочет приоткрыть завесу прошлого моей матери и моего детства, чтобы преуспеть в собственной карьере», – добавил он про себя.

– Зовите меня Эммой, пожалуйста, – сказала она, протягивая ему руку в перчатке.

Он пытался угадать, какого же цвета ее волосы, спрятанные под шапкой. Фотография в Интернете не передавала и доли ее красоты: она была просто потрясающей.

Раздражение смешалось с чувством гнева. Николай не хотел, чтобы эта женщина встала на его пути. Находясь здесь, во Владимире, она могла причинить боль его матери, и он чувствовал, что эту боль ни с чем не сравнить. Он был обязан сделать так, чтобы люди никогда не узнали о том, насколько драматичной была история их семьи.

В надежде держать журналистку подальше от семейных тайн, Николай решил отвлечь ее красотами русской зимы и уже придумал, какие места ей стоит посмотреть и запечатлеть на фотографиях. Все, что требовалось, – предотвратить встречу Эммы с его бабушкой, которую он не видел с десяти лет. Но Николай пока не знал, как это сделать.

– Нам нужно укрыться от ветра, – твердо сказал он, стараясь не думать о чарующем цвете ее глаз, так сильно напоминающем о летних днях его детства, которое он провел во Владимире. Он давно не вспоминал о своем родном городе, и теперь ему определенно не хотелось будить память о прошлом. – Я позволил себе забронировать нам номера в одном отеле, поэтому вы сможете обращаться ко мне за помощью в любую минуту.

На самом деле его мотивы не были такими благородными. Его целью было убедиться в том, что Эмма увидит только то, что он позволит ей увидеть. И не услышит от его бабушки историю семьи, разрушенной предательством.

– Спасибо, – сказала она, улыбнувшись. – Вы очень внимательны.

Почувствовав прилив самодовольства, Николай не смог сдержать ответной улыбки. Удача на его стороне. Еще всего несколько дней этого недоразумения, и он сможет вернуться обратно в Нью-Йорк и забыть обо всем этом.

– В отеле есть комфортабельная зона отдыха, думаю, там мы сможем обсудить все, что требуется для вашей будущей статьи.

Эмма поверила его игре в вежливого и обходительного джентльмена. Но что она сказала бы, если бы знала о его решимости скрыть от нее все, что в его силах, несмотря на старания его бабушки опорочить имя его семьи? Эмма Сандерс ни за что не станет свидетелем выяснения семейных отношений, чего бы ему это ни стоило.

– Да, это хорошая идея, – кивнула она.

Несмотря на то что шарф скрывал нижнюю часть ее лица, по блеску в ее глазах Николай догадывался, что она улыбается. Ее образ и улыбка в его воображении вызывали в нем эмоции, вступающие в противоречие со злобой и раздражением, которые одолевали его с того самого момента, как он узнал, что его бабушка согласилась дать интервью для журнала.

– Позвольте, – сказал он, протянув руку к ее багажу и радуясь, что он состоял из небольшого чемодана и сумки для фотоаппарата.

Это означало, что она не намеревалась оставаться здесь дольше чем на три дня, как и условились организаторы проекта «Мир в фотографиях» с ним и его семьей.

Его семья. Звучало как шутка.

– Благодарю.

На этот раз она опустила шарф руками в кожаных перчатках, и Николай смог увидеть, как она улыбается. Ее улыбка странным образом подействовала на него. Мысль о том, как он целует ее в губы, пронеслась в его голове, оставляя за собой будоражащее желание. Но Николай мрачно отмахнулся от этой идеи. Сейчас не самый подходящий момент, чтобы позволить вождению одержать верх.

И уж конечно, не с этой женщиной.

– Сюда, мисс Сандерс, – твердо произнес он, игнорируя ее просьбу обращаться к ней по имени, и уверенно двинулся вперед по направлению к отелю, не удосужившись удостовериться, следует за ним журналистка или нет.

Николай намеренно забронировал для себя номер в той же гостинице, что и мисс Сандерс, чтобы контролировать ее действия и быть уверенным, что она не узнает тайну семьи, покрытую темной вуалью забвения. Вне всякого сомнения, он принял верное решение.

Теперь, когда он наконец встретил Эмму Сандерс, Николай был уверен, что сможет очаровать журналистку и тем самым отвлечь ее внимание, предоставив романтично-идеалистичную историю о семейных ценностях его семьи, которая, несомненно, и была целью поисков Эммы. Единственная проблема, которая могла встать на его пути, – это чары самой девушки, жертвой которых он мог пасть.

– Полагаю, вы привыкли к такому холоду, но лично для меня это ужасно непривычно, – сказала она, когда они зашли внутрь.

Теплое лобби отеля, стилизованного под деревянный домик, создавало несколько интимную и даже романтическую атмосферу, которая, вне всякого сомнения, поможет ему. Уже очень скоро мисс Сандерс убедится в том, что ему доставляет огромное удовольствие делиться воспоминаниями о своей семье.

– Я живу в Нью-Йорке, мисс Сандерс.

– Прошу прощения, но я думала, что вы раньше жили здесь со своей бабушкой, – ответила журналистка.

От горящего в центральной части зала камина исходил приятный жар, и она сняла шапку.

Николай наблюдал за тем, как она разматывает шарф, под которым были спрятаны длинные, прямые волосы цвета воронова крыла. Всего на мгновение он потерял контроль над своим разумом, позабыв о том, что эта молодая женщина может причинить боль его матери и показать его истинное лицо, и испытал вожделение, которое оставило после себя лишь еле ощутимый след. Николай вернул контроль над своими чувствами. У него были мимолетные интрижки и жаркие романы, но к этой женщине он почему-то не мог оставаться равнодушным.

– Никогда нельзя быть уверенным, мисс Сандерс, – отреагировал он гораздо жестче, чем собирался.

Она вопросительно взглянула на него. Ее тонкие брови изогнулись.

– Я знаю. Жизнь научила меня этому, мистер Петрушов.

– Каннингэм, – вновь поправил ее Николай.

Тон, которым она ему ответила, и тень страха, пробежавшая по ее лицу, встряхнули его. Ему не следовало быть таким резким, таким агрессивным, если он намеревается сохранить семейную тайну. Возможно, игра во взаимную симпатию поможет ему запутать ее.

Интересно, значат ли ее слова, что ей тоже приходилось нелегко в жизни? Николай с трудом сдержался, чтобы не спросить ее об этом прямо, но решил, что это станет поводом для слишком откровенной беседы. За все эти годы он хорошо научился обеспечивать людей достаточной информацией о себе, но никогда не раскрывал лишних подробностей.

– Видите, мы уже нашли общий язык, – сказал он.

Сняв свое пальто и шапку, он взял ее верхнюю одежду. Его пальцы случайно соприкоснулись с ее. Эмма отдернула руку и с удивлением взглянула на него своими большими зелеными глазами. Ее пухлые губы были приоткрыты, и Николай едва устоял перед соблазном поцеловать ее. Не легко прикоснуться к ее губам, но страстно впиться в них. Подарить ей такой поцелуй, который стал бы прелюдией к страстному сексу...

О чем он только думает?

Эмма сделала несколько шагов назад. На ее бледном лице заиграл румянец, а взгляд стал томным и теперь напоминал глубокий океан. Она почувствовала то же самое, в этом не было

никаких сомнений. Будь она кем-то другим, Николай даже не пытался бы ломать комедию. Но она не была кем-то другим. Эмма могла раскрыть тайну его прошлого, а это угрожало не только счастливой жизни его матери, но также и его репутации. Он не позволит этому случиться. Чего бы это ему ни стоило.

Хотя симпатия с ее стороны гарантирует ему, что она не узнает, кто он на самом деле. И если малейшее прикосновение и химия между ними способны обезоружить ее, то для него это будет очень приятный способ отвлечь ее от слишком усердных поисков информации о его семье.

– Да, вы правы. Мы... мы прекрасно понимаем друг друга, – ответила она, запинаясь.

Эмма ненавидела себя за то, что не могла вымолвить и слова под пристальным взглядом Николая Каннингэма. Он привел ее мысли в беспорядок в тот самый момент, когда они встретились на вокзале.

Она подумала о Ричарде, который, как она когда-то надеялась, станет ей больше чем другом. И мысленно начала сравнивать его с мужчиной, который находился сейчас рядом с ней. Ричард был привлекательным и в то же время надежным. Николай был потрясающе хорош собой, и от него исходила мощная сексуальная энергия. По ее коже побежали мурашки от возникшего между ними напряжения. Он продолжал смотреть ей в глаза. Однако Эмма не должна была забывать, что он – ключ к успешному завершению ее задания и долгосрочному сотрудничеству с проектом «Мир в фотографиях».

То, что должно произойти в ближайшие дни, стало бы успешным началом ее карьеры фотографа. Но что еще более важно, таким образом она могла обеспечить себе стабильный доход, который был ей так нужен. Ее младшая сестра Джесс мечтала стать балериной, и Эмма хотела помочь воплотить ее давнюю мечту в реальность. Им пришлось нелегко: в детстве они сменили не один приют. Эмме хотелось, чтобы Джесс занималась тем, что приносит ей радость. Ее младшая сестра была по-настоящему талантлива. После всего того, что им пришлось пережить, они обе заслуживали счастья.

Этот высокий темноволосый мужчина сперва обдал ее холодом, пробравшим ее до костей, но в последние несколько мгновений что-то в нем неожиданно и необъяснимо изменилось. Под его пристальным взглядом жар стремительно растекался по телу Эммы. Ничего подобного она никогда прежде не испытывала и не знала, сможет ли противостоять этому ощущению.

– Я буду сопровождать вас на встречу с Марией Петрушовой, моей бабушкой, но сперва мне хотелось бы показать вам несколько мест, где вы могли бы сделать отличные фотографии.

То, каким тоном он говорил и как произнес имя своей бабушки, навело Эмму на мысль, что не стоит требовать от него большего. По крайней мере сейчас. Она почувствовала, что между Николаем и его бабушкой остались нерешенные семейные вопросы. Интересно, насколько часто они виделись, учитывая разделяющее их расстояние в несколько тысяч километров.

Отбросив все сомнения и дав волю своему любопытству, она взглянула на него, слегка задрвав подбородок:

– Мне нужны фотографии не только прекрасных пейзажей, мистер Петрушов, но также ваши совместные фотографии с бабушкой и другими членами семьи.

Ее задача состояла в том, чтобы поближе познакомиться с русской семьей, которая склонила состояние несколько десятков лет назад, и узнать, как у них сейчас идут дела. Если Эмме не удастся выполнить поставленную задачу, то не видать ей контракта, а следовательно, она не сможет оплачивать обучение младшей сестры в элитной школе русского балета. Но тот

факт, что их встреча состоялась в городе, который находился всего в нескольких часах езды на поезде от заветной знаменитой балетной школы, она сочла хорошим знаком.

Эмма верила – у нее все получится. По-другому и быть не может.

Однако теперь, когда Николай изложил свои условия проведения интервью, у нее появились сомнения, что все пройдет гладко. Создавалось такое ощущение, что его влияние на все и всех было очень сильным. Вне всякого сомнения, он обладал реальной властью.

Николай несколько пугал Эмму, хотя она и не стала бы ему говорить об этом. Нет, она будет твердо стоять на своем. Ей необходимо оставаться такой же сильной, как и он, если она хотела реализовать свою задачу.

– У меня больше нет родственников, мисс Сандерс.

Николай прошел к мягким креслам, стоявшим рядом с камином. Эмма последовала за ним. Так просто он от нее не отделается. Она находилась в России уже неделю и хотела увидеть Джесс, прежде чем вернуться обратно в Лондон.

Движением руки он указал на кресло, приглашая ее присесть, а сам опустился в соседнее. Эмма заметила, как напряглись мышцы его ног. Она была взволнована, и от его взгляда нервничала все больше. Если бы она могла прочесть его мысли... но его темные глаза были непроницаемы.

– Совместная фотография с вашей бабушкой... Она не успела договорить, так как Николай наклонился к ней:

– Нет.

Единственное слово пресекло все дальнейшие предложения, которые были у нее в запасе. Резкий ответ эхом отразился от стен зала. Затем, будто осознав, как резко и грубо он ответил, Николай облокотился на спинку кресла:

– Понимаете, мы не виделись с бабушкой очень много лет. И боюсь, у нас вряд ли получится изобразить семейную идиллию, мисс Сандерс.

С каждой секундой ее мечта соединить между собой все кусочки пазла для статьи, а затем поехать в Пермь увидеться с Джесс стремительно ускользала. Мрачный и решительный взгляд Николая говорил сам за себя. Он не шутил.

– Послушайте, мистер Петрушов... простите, мистер Каннингэм. – Перепутав его фамилию, Эмма только усугубила ситуацию, и, судя по его плотно сжатым челюстям, такая ошибка вряд ли расположит ее к нему. – Уж не знаю, чем я вам не угодила, но я здесь, чтобы работать. Ваша бабушка дала «Миру в фотографиях» свое согласие на проведение интервью и фотосъемку для журнала. И моя задача состоит в том, чтобы все это было выполнено.

Она взглянула на него, рассчитывая, что он поймет – она не уступает ему в твердости характера.

Зачем она согласилась брать интервью, если сферой ее деятельности была фотография?

Ответ прост. Она хотела позволить своей младшей сестре следовать за мечтой.

Николай продолжал пристально смотреть на нее. Его взгляд задержался на ее губах. В воздухе вокруг них росло напряжение. Эмма мысленно одернула себя. Сейчас не самый подходящий момент поддаваться его чарам.

Еще подростком она твердо поклялась самой себе, что никогда не поддастся обаянию мужчины. И ей это удавалось – до тех пор, пока она не встретила Ричарда, молодого фотографа. Он был первый мужчина, который стал оказывать ей знаки внимания. Эмма лелеяла надежду, что их дружба перерастет в нечто большее, но на протяжении двух лет ожидания и отсутствия изменений она лишь наблюдала, как он встречается с другими женщинами.

– Я не допущу, чтобы ваше вмешательство в жизнь моей семьи доставило кому-то неудобство, мисс Сандерс, – медленно произнес Николай, его темные глаза недобро блестели.

В каждом его слове было предупреждение. Но как ее действия можно назвать вмешательством, если пожилая женщина сама дала согласие на интервью?

– У меня нет намерений доставлять кому-либо неудобства, – ответила Эмма. Она знала – огонь не побороть огнем. Ее мама научила ее этому еще до того, как Эмма и Джесс попали в детский дом. Если она не уступит ему, ей не удастся сделать свою работу. Эмма опустила взгляд и посмотрела на свои руки. – Я приношу свои извинения. Мы можем начать заново?

Этот вопрос совершенно обескуражил Николая. Еще секунду назад она пылала от негодования. Видя пылающее возмущение в ее глазах, он едва мог бороться со страстным желанием поцеловать ее. Но внезапно она стала спокойной и сговорчивой. Такая резкая перемена выглядела подозрительно. Эмма явно затеяла какую-то игру.

– Хотите, вернемся на улицу и пожмем руки в знак перемирия? – Николай был вознагражден нежным румянцем, заигравшим на ее щеках.

– Нет, – тихо засмеялась она. От улыбки ее глаза засияли, как будто солнечный свет пробился через тьму леса. – Думаю, нам просто нужно начать разговор заново. Давайте выпьем чего-нибудь согревающего и обсудим, как мы можем друг другу помочь.

Теперь Николай был по-настоящему удивлен. Она определенно что-то замышляла, пытается управлять ситуацией для достижения своих целей.

Точно как та молодая женщина, которой предстояло стать его женой... Он был нужен ей исключительно для удовлетворения собственных нужд.

– Не думаю, мисс Сандерс, что вы в силах каким-либо образом помочь мне. Но мы выпьем, и я расскажу вам, как мы будем действовать ближайшие несколько дней.

Не успела она и слова сказать, как он подал знак одному из сотрудников отеля и заказал им чай. Он бы никогда не стал заказывать его в Нью-Йорке, но, вернувшись в Россию, Николай почувствовал, как ожили его детские воспоминания. В глазах Эммы заблестел огонек любопытства – он не сразу понял, что сделал заказ на русском языке, на котором говорил, пока мир его не рухнул из-за страшного секрета его матери.

Секрет, который теперь преследовал его. Это была та самая история, которую, он подозревал, его бабушка хотела рассказать для статьи. Она не менее жестока, чем его отец. Ей хватило ума манипулировать им и заставить его вернуться в Россию, чтобы он стал свидетелем ее недопустимых действий.

– Прошу, называйте меня Эммой, – сказала она, прислоняясь к спинке кресла.

Ее облегающие джинсы подчеркивали стройные, длинные ноги, приковывавшие его внимание и вызывающие в его голове самые запретные мысли.

– Можно я буду звать вас Николай?

– Да, – кивнул он. Он хотел изменить свое имя на Ник, когда уехал из России, чтобы тем самым отдалиться от семьи отца, но мать умоляла его оставить прежнее имя и сохранить связь с русскими корнями и семьей.

– У меня сложилось четкое впечатление, что тебе не хочется, чтобы я беседовала с твоей бабушкой, Николай, хотя она сама обратилась в «Мир в фотографиях». Полагаю, есть какой-то секрет, который ты не хочешь раскрывать.

– Какая проницательность.

А он еще думал, что силой своего очарования подчинит ее своей воле. Похоже, он ее сильно недооценивал. И ее игра в скромницу тому подтверждение. Это было лишь притворство. Его бывшая поступала так же, чтобы получить желаемое.

– Полагаю, мы можем прийти к своего рода компромиссу, благодаря которому я получу достаточно сведений, чтобы выполнить свою работу, не посягая на частную жизнь твоей семьи.

Облокотившись на спинку кресла, Эмма не сводила с него глаз. Ее лицо выражало триумф. Но он позволит ей думать, что она достигла поставленной цели.

– Только при одном условии. – Николай взял чашку чая, сделал небольшой глоток и пристально посмотрел на Эмму. В ее глазах он заметил тень беспокойства. Нет, даже больше – страх.

– И что за условие?

– Ты расскажешь, почему эта работа так важна для тебя. Ради чего было приезжать из Лондона во Владимир? Неужели лишь для того, чтобы послушать бредни старой женщины?

Николай не знал, была ли его бабушка в здравом уме: последний раз они виделись почти двадцать три года назад, в день похорон его отца. Десятилетний Николай не понимал, что происходит. Он недоумевал, почему бабушка выгнала их с матерью из дома.

Только спустя шесть лет он узнал жуткую правду и поклялся сделать все, чтобы защитить свою мать. И он не был намерен нарушать клятву.

– Я согласилась на эту работу, потому что так я могла приехать в Россию. словно сама судьба предоставила мне этот шанс. Моя сестра Джесс учится в Пермской балетной школе, и, когда я закончу все свои дела, я поеду к ней на несколько дней.

Ее зеленые глаза светились неподдельной радостью, и Николай почувствовал знакомый укол в сердце. У нее было счастливое детство, она крепко связана семейными узами со своей сестрой.

А его собственное детство было омрачено безжалостным поступком отца, которого он не хотел признавать.

– Твоя сестра здесь? В России?

Николай совершенно не ожидал узнать такое об Эмме. Когда он проверял ее биографию, в ней не было подобных сведений. У Эммы имелись долги, и она была далеко не самым известным фотографом. Помимо этого он не нашел в ее биографии ничего примечательного.

– Да, балет – ее самая большая мечта, и я сделаю все возможное, чтобы помочь Джесс осуществить ее.

В ее голосе слышалась гордость. Перед Николаем был совершенно другой человек, непохожий на ту Эмму, с которой он познакомился некоторое время назад.

– Ей всего шестнадцать. И я приняла это предложение, чтобы увидеть ее раньше, чем мы планировали, пускай всего на несколько дней.

По крайней мере, теперь ему стали понятны ее мотивы. Его подозрения оказались безосновательными. У нее просто не было достаточно денег, чтобы прилететь в Россию и увидеться с сестрой, поэтому она и устроилась на эту работу. Однако у Николая остались сомнения насчет мотивов бабушки. Чего она хотела добиться?

И на что готова пойти Эмма, чтобы впечатлить руководство «Мира в фотографиях» и обеспечить себе стремительную карьеру?

– Ну что ж, я помогу тебе, Эмма. Я покажу тебе места, которые связаны с прошлым моей семьи, и ты сможешь сделать то, чего хочешь.

Что он подразумевал, когда сказал это – «хочешь»? Оговорился ли потому, что изгибы ее тела отвлекали его и будоражили его ум? Краска залила ее лицо, отчего она казалась такой скромной и невинной. Интересно, чувствует ли она сексуальное напряжение между ними?

– А могу я встретиться с твоей бабушкой? И задать ей всего пару вопросов? – Эмма нерешительно прикусила нижнюю губу.

Николай изо всех сил старался не обращать внимания на этот ее милый жест. Он должен оставаться хозяином ситуации и предотвратить попытку бабушки снова причинить ему боль.

– Конечно, но сначала мы посмотрим все, что я запланировал. Я уже составил маршрут на завтра.

Эмма выглядела такой счастливой, словно выиграла в лотерею.

– Жду не дождусь начала наших с тобой приключений!

Ему тоже не терпелось провести с ней наедине ближайшие дни. С девушкой, к которой он одновременно испытывал презрение и страстное влечение.

Глава 2

Наступило утро. Эмма была полна энтузиазма. Благодаря хорошо продуманному Николаем плану ее работа очень скоро будет выполнена и она сможет поехать к Джесс. Эмма поймала себя на мысли, что с нетерпением ждет встречи с Николаем Каннингэмом. После вчерашнего дня, проведенного в его компании, она убедилась, что он не так жесток, как ей показалось сначала. Ее расстраивала необходимость признаться себе в том, что ее внутреннее волнение только возросло. После нескольких лет обожания Ричарда она не хотела пасть жертвой чар еще одного мужчины. Особенно такого далекого и недоступного, как Николай Каннингэм.

– Куда мы направляемся?

Большая черная машина бесшумно скользила по заснеженным просторам, и у Эммы неоднократно возникало желание попросить Николая остановиться, чтобы она могла запечатлеть окружающую природу. Не для журнала, для себя. Ее творческая натура не знала покоя, и она повсюду видела прекрасные кадры, словно через линзу фотоаппарата.

– В мой бывший дом, где я жил до десяти лет. Он находится в пригороде Владимира.

Отвечая, Николай смотрел прямо перед собой, на дорогу. У Эммы сложилось впечатление, что это последнее место на земле, в котором он хотел бы находиться. Каковы тогда его мотивы? Зачем он везет ее туда? Он отнюдь не казался уступчивым человеком.

– Кто там теперь живет? Ваша бабушка? – Эмма не могла сдержать вопрос.

Задание по работе, необходимость оставаться профессионалом, а также желание поскорее со всем этим покончить и уехать держали ее в напряжении. Она должна сделать все по высшему классу, предоставив журналу громкую историю, как того и требовалось, но все, что она видела и слышала до этого момента, являлось противоположностью тому, что она собиралась запечатлеть. Это не была история с счастливым концом, за исключением того, что Николай стал владельцем успешного международного банковского бизнеса, который он создал в дополнение к бизнесу отчима в секторе элитной недвижимости.

В салоне воцарилось молчание, и Эмма стала наблюдать за дорогой. Вскоре машина свернула в заснеженную долину. Похоже, по ней давно никто не проезжал: не было видно следов от шин. Неужели дом пуст?

Николай произнес что-то в очень резкой манере, и Эмма предположила, что он выругался на русском языке. Она перевела взгляд на возвышающийся перед ними обветшалый фасад некогда красивого дома. Его крышу венчали остроконечные башенки, которые, казалось, касались самого неба. Черные дыры разных размеров вместо окон напоминали глаза, уныло глядящие на пустынный пейзаж.

Сердце Эммы учащенно билось. Она словно мозаику собирала воедино все, что знала о Николае. Но картина не складывалась. Эмма рассчитывала, что сможет сфотографировать место, где он рос, даже, возможно, убедила бы его попозировать ей. Но все пошло не так.

Он вышел из машины, словно позабыв о присутствии Эммы, и несколько секунд она просто сидела и наблюдала за ним. Но душа фотографа жаждала действия. Образ одинокого мужчины в черном, созерцающего заброшенное здание на фоне белоснежного пейзажа, будоражил ее воображение. Эмма была просто обязана его сфотографировать.

Тихо, чтобы Николай не услышал, она достала фотоаппарат. Снег хрустел под ее ногами, пока она приближалась к своей цели. Уже через несколько секунд она сфотографировала его. Николай не услышал звуков затвора. Эмма знала, что не будет использовать эти снимки в материале для статьи. В них было столько боли... Они предназначались только для ее глаз.

– Здесь жила моя семья до того, как умер мой отец, – наконец произнес Николай, не обращившись, словно для того, чтобы скрыть эмоции.

Боялся ли он показаться слабым? Его голос был ледяным. Эмма ждала, когда он продолжит рассказ.

– Последний раз я был здесь десятилетним мальчиком. Потом мы уехали в Нью-Йорк.

– Наверное, тебе было тяжело. – Она инстинктивно подошла ближе, желая показать ему, что ей тоже знакомо чувство потерянности. Им с Джесс пришлось нелегко.

– Тяжело? – Николай с трудом мог контролировать гнев, который охватил его не только из-за этой девушки, заставившей его вернуться к детским воспоминаниям, но и из-за бабушки, которая стала инициатором всей этой кампании. – Не уверен, что ты понимаешь, о чем я.

Он думал, что она скажет что-то в ответ, выступит в свою защиту, но вместо этого Эмма, пожав плечами, направилась обратно к машине за оборудованием. Николай наблюдал за тем, как она устанавливает штатив и фотографирует старый дом. Затвор щелкал, и, каждый раз, когда Николай слышал этот звук, ему казалось, что открывается еще одна дверь в прошлое.

– У тебя остались какие-нибудь счастливые воспоминания, связанные с этим местом?

Эмма смотрела на него. На фоне белого снега и серого неба она выглядела потрясюще. Любуясь ею, Николай отвлекся от своих мыслей о прошлом. Он не хотел возвращаться к ним. Никогда.

Но было слишком поздно. Он увидел себя восьмилетним мальчиком, скованным ужасом, прячущимся под антикварным столом, купленным его отцом. Он залезал туда, надеясь найти там безопасное место, веря, что, несмотря на вспыльчивый характер, отец не сломает свое последнее ценное приобретение. Но он ошибался, очень ошибался. Мать слезно просила, умоляла мужа не трогать ребенка, но глава семейства оставался глух к ее просьбам. Он вытаскивал сына из-под стола и поднимал его за ворот. Николай бешено крутился, пинался и отчаянно кричал, понимая, что, если ему удастся вырваться и убежать, отец обрушит свой гнев на мать. Либо он, либо она. Стараясь спасти мать от очередного удара, он выкрикивал проклятия в адрес отца.

Что было дальше – он не помнил. Не хотел помнить.

Николай отмахнулся от воспоминаний. Анализировать их – сомнительное удовольствие, от которого никому не станет легче. По крайней мере ему.

– С этим местом – нет, – ответил он и подошел к Эмме, которая просматривала сделанные фотографии.

На снимках дом не выглядел таким мрачным, словно объектив камеры рассеял жуткие воспоминания, связанные с его матерью и отцом.

Николай почувствовал тонкий аромат духов Эммы: запах летних цветов.

– Я был счастлив, когда мы гостили у родителей и родственников матери.

Почему он так сказал? Николай отругал себя за то, что дал ей информацию, которую она сможет использовать в своих интересах. Загородный дом родителей его матери был идеальным местом, чтобы свозить туда Эмму. Он мог бы организовать поездку на тройке лошадей, чтобы она насладились романтикой русских просторов. Оказавшись в зимней сказке, ни одна женщина не осталась бы равнодушной. Это прекрасная возможность отвлечь ее от темных секретов его семьи, которые он так старательно прятал.

– Где это место? Далеко отсюда? – Ее интерес был неподдельным, она смотрела на него, улыбаясь.

Впервые за все это время Эмма выглядела по-настоящему счастливой. Счастливой, но ранимой.

– Нет, довольно близко, – с трудом ответил он, чувствуя, как его неумолимо тянет к ней.

– И мы можем отправиться туда прямо сейчас? – робко спросила она.

Ее искренняя улыбка и нежный румянец будоражили его. Николай не мог понять, почему это происходит. Он предпочитал более рискованных, эффектных и опытных в интрижках женщин. Интуиция подсказывала ему, что Эмма не из таких. Такие, как она, верят в любовь. Это не его тип.

– Мы поедем туда завтра, – сказал он, сделав шаг назад.

На следующий день Эмма ждала Николая, закутанная, как он и советовал, в самую теплую одежду, которая у нее только была, и еще более воодушевленная, чем вчера. С каждым часом, проведенным вместе, они становились все ближе, хотя Николай мало говорил о своем прошлом и не делился с Эммой своими мыслями. Однако он показал ей много живописных мест, и у нее уже накопилось немало удачных снимков.

Эмма снова поймала себя на том, что он ей нравится – немного больше, чем следовало. По правде говоря, ее безумно влекло к Николаю. По отношению к Ричарду она не испытывала ничего подобного.

– Ты готова? – спросил он, увидев ее у стойки регистратора в отеле.

Словно маленький ребенок, которому вот-вот покажут рождественскую елку, она не могла сдерживать восторга и широко улыбалась ему. Этим утром он был гладко выбрит и так же тепло одет, как и она.

– Да. Мы едем в тот дом, про который ты рассказывал вчера?

– Именно. Дом, где я проводил летние месяцы с мамой и ее родителями.

Эмма хотела спросить, ездил ли его отец вместе с ними, но не рискнула, боясь испортить его хорошее настроение. Она поняла, что именно упоминание об отце стало причиной резкой перемены в его настроении днем ранее, и у нее не хватало духа поднимать эту тему. Вместо этого она решила сосредоточить все внимание на предстоящей поездке.

– Это далеко?

– Нет, на машине мы доедем очень быстро, а затем тебя ждет сюрприз.

К ее удивлению, Николай взял ее за руку, и они пошли по дорожке к большой черной машине. Сердце Эммы учащенно билось, и она безуспешно пыталась совладать с охватившим ее влечением. Она испытывала такое впервые.

Сюрпризом, о котором говорил Николай, оказалась поездка на тройке лошадей, запряженных в сани. Эмма была в полном восторге из-за новизны ощущений – она никогда прежде не каталась в упряжке, – и от того, что она сидела рядом с Николаем. Снег летел им прямо в лицо.

– Просто потрясающе! Я обязательно напишу об этом в статье.

– Это называется тройка. Древняя традиция, которой не одна сотня лет.

Эмма едва ли могла сосредоточиться на том, что он говорит, чувствуя, как его бедро плотно соприкасается с ее, несмотря на толстые слои одежды. Это прикосновение было обжигающим.

Немного позднее, когда возница остановил лошадей, Эмма посмотрела на Николая. На этот раз он не отвел взгляд, пытливо всматриваясь в ее глаза.

– Спасибо, – тихо прошептала она.

Пар от ее дыхания на мгновение повис в воздухе, смешиваясь с его, создавая интимную обстановку, заставляя ее щеки пылать румянцем.

– Я очень рад, что тебе понравилось, Эмма.

Тот факт, что он назвал ее по имени, не остался незамеченным ею. Эмма задрожала, но отнюдь не от холода.

– Ты замерзла?

– Нет, совсем нет, – сказала она, смутившись, и опустила глаза.

Рукой в перчатке Николай поднял ее подбородок так, чтобы она посмотрела на него еще раз. То, что она увидела в его иссиня-черных глазах, было одновременно пугающим и волнующим.

– Ты очень красивая, Эмма.

Она с трудом сглотнула, не в состоянии отодвинуться от него. Она даже не могла пошевелиться.

– Тебе не следует говорить таких вещей.

Эмма не узнавала свой голос. Неужели он мог быть таким резким и в то же время неуверенным? Глубоко в сердце зазвучали глупые, романтические нотки, которые она всегда в себе подавляла. Действительно ли Николай считает ее привлекательной? Хочет ли он ее поцеловать? И если бы он ее поцеловал, каково бы это было?

– Но я говорю правду.

Ее сердце бешено колотилось. В воздухе вился белый пар от их учащенного дыхания. Эмма пыталась разглядеть в его глазах признаки того, что он играет с ней. У нее никогда не было близости, но она была наслышана о том, как мужчины могут вскружить женщине голову.

Но не было и намека на то, что Николай играет с ней. Эмма понимала, что вот-вот станет жертвой этого романтического момента. Если бы они сидели у камина в лобби отеля, как это было в день ее приезда, стал бы он говорить ей такие слова?

– Послушай, я приехала сюда не для того, чтобы крутить интрижки, – сказала Эмма. Ее тело жаждало чего-то совершенно незнакомого, но она должна была сохранять благоразумие и твердо стоять на своем.

– А по-твоему, мы «крутим интрижки», как ты выразилась?

Его голос был низким и глубоким.

Эмма перевела взгляд на бескрайний белоснежный пейзаж, задаваясь тем же вопросом. Нет, это невозможно. У нее работа, которую нужно выполнить, а затем ей предстояло двигаться дальше.

– Думаю, нет.

Эмма надеялась, что это прозвучало так, словно она говорит со знанием дела, словно ей неоднократно доводилось бывать в подобных ситуациях. В действительности все было наоборот. Ни один мужчин не смотрел на нее с таким блеском страсти в глазах.

Вместо ответа, Николай легко и нежно прикоснулся своими губами к ее губам, и неожиданно Эмме перестало быть холодно: тепло разлилось по ее телу. Она ответила на его поцелуй с тихим вздохом удовольствия.

Да что с ней такое происходит?

Она резко отпрянула от него и вдохнула ледяной, зимний воздух. Лошади двинулись вперед. Извозчик заговорил с Николаем. Эмма покраснела и спрятала лицо за шарфом, чтобы скрыть свое смущение. Что с ней творится?

– Извозчик говорит, что скоро пойдет снег. Он предлагает нам поскорее осмотреть то, что нас интересует, и отправиться обратно.

Николай не намеревался ее так целовать, он просто хотел, чтобы Эмма почувствовала себя особенной, ощутила героиней сказки, рассекая бесконечные просторы на тройке лошадей. Он планировал всего лишь отвлечь ее от дел, пока не попробовал на вкус ее губы, такие мягкие и такие отзывчивые.

– Да, конечно, – ответила она взволнованно и достала камеру из сумки. – Я сделаю несколько кадров, а на обратном пути послушаю твой рассказ. Хотелось бы оказаться в каком-нибудь теплом месте, когда пойдет снег.

Николай отогнал мысли о том, как им было бы тепло в его постели, и заставил себя сосредоточиться на главном. Нельзя допустить, чтобы Эмма узнала правду о его семье.

– Вот, – сказал он, помогая ей вылезти из саней, – здесь мы с мамой проводили каждое лето, пока не уехали из России. Летом здесь жарко и много зелени.

Николай так давно не вспоминал те солнечные деньки, приписывая их к прошлому, о котором хотел забыть, но сейчас, когда он говорил с Эммой, вспоминать о них оказалось не так страшно, как он предполагал.

– Это дом родителей твоей матери? – спросила она, фотографируя место, в котором он провел самое счастливое время.

– Да, но я никогда не видел его таким, покрытым снегом. Мы приезжали сюда только летом. Я бегал с собаками по саду, наслаждаясь пьянящей свободой.

Помимо беззаботных игр в лучах солнца, здесь Николай был недоступен для террора своего отца. Ему не надо было прятаться, когда тот был не в духе, не надо было беспокоиться о матери, когда отец начинал кричать на нее. Он был свободен от боли: своей и маминой.

Гораздо позднее Николай осознал, что родители матери знали о происходившем и таким образом предоставляли ей убежище. Единственное, чего он не мог понять: почему она не могла остаться у них навсегда?

– И твоя бабушка ждет нас здесь? – с надеждой спросила Эмма.

Она подумала, что здесь живет та его бабушка, которая инициировала интервью.

– Нет, они умерли до смерти моего отца. Мария Петрушова – мать моего отца. Это она связалась с «Миром в фотографиях». Она живет во Владимире.

– Так мы можем встретиться с ней? Мне нужна эта встреча.

Эмма стала убирать фотоаппарат обратно в сумку, радуясь тому, что сделала хорошие фотографии. Николай был рад, что она не видела выражения его лица: оно было искажено злобой и презрением к женщине, которая не сделала ничего, чтобы помочь ему или его матери. Вместо этого она всячески оправдывала своего сына, и за это он не мог простить ее.

– Завтра. А сейчас нам пора возвращаться в отель.

Он не мог отложить возвращение в отель так же, как и не мог более откладывать встречу с бабушкой. Возможно, встреча с ней впервые спустя столько лет пройдет для него легче, если он будет не один. Но это может оказаться самой большой и страшной из допущенных им ошибок.

Глава 3

Николай посмотрел из окна бара отеля на улицу. Уже стемнело. Был сильный снегопад, и это его радовало. При таких погодных условиях они не смогут добраться до дома его бабушки до самого отъезда Эммы в Лондон. Он практически сам выдал свой секрет, когда отвез ее к своему бывшему дому. Но, с другой стороны, у нее уже была кое-какая информация для статьи, и он мог расслабиться и насладиться вечером в ее компании.

– Какой сильный снегопад, – сказала Эмма, подсаживаясь за столик к Николаю.

Голос ее был мягким и нежным, но в то же время немного неуверенным. Николай понимал: она волнуется.

– Это совершенно нормально для здешних мест, – ответил Николай, не в состоянии ответить от Эммы взгляда.

На ней было черное платье, которое подчеркивало каждый изгиб ее тела, и, когда она сняла жакет, обнажая плечи и изящные руки, химия между ними, которую он пытался игнорировать, стала еще более ощутимой и потребовала немедленного удовлетворения.

Она села напротив него в удобное кресло, положив ногу на ногу, позволяя ему любоваться своими бедрами, а черные туфли на высоких каблуках только распалили его желание почувствовать, как ее ноги обвивают его поясницу. Неужели Эмма делает это намеренно? Пытается ли она заставить его потерять бдительность?

Он разглядывал ее лицо: в этот вечер она накрутила сильнее, чем обычно. Макияж подчеркивал зеленый цвет ее глаз. Интересно было бы увидеть в них огонь страсти и вожделения.

– Спасибо за то, что показал мне тот дом. Должно быть, тебе нелегко видеть его полуразрушенным, ведь в нем прошло твое детство.

Искренность ее тона вызвала в нем интерес к ее прошлому. Николай вспомнил, как еще в первые часы знакомства Эмма сказала: «Жизнь научила меня этому». Была ли судьба так же неблагоприятна и к ней?

– Расскажи мне про свою семью, – попросил он, отметив, как она напряглась.

Оказывается, не у него одного есть секреты.

– Мне не повезло жить в родительском доме. Мы с сестрой попали в приют, когда были совсем маленькими. – Эмма отвернулась.

Николай с трудом сдерживался, чтобы не подойти, не обнять и не утешить ее.

– Я не хотел тебя расстраивать.

Он подался вперед и почувствовал дурманящий запах ее духов, разжигающий желание, томящееся в его теле. Желание, которому он не мог дать волю, потому что должен был сохранить тайну и не усложнять сложившуюся ситуацию.

– Но это справедливо, особенно после того, что тебе пришлось перенести вчера. Наверное, твое сердце обливалось кровью, когда ты увидел дом своего детства в таком состоянии. – Эмма посмотрела на него, и в ее зеленых глазах он увидел искренние эмоции. – Это моя вина.

Опустив глаза, она сложила руки на коленях. Николай проследил за ее взглядом и внезапно осознал, что ему просто необходимо прикоснуться к ней.

Он протянул руку и поднял ее подбородок, чтобы она взглянула на него.

Их взгляды встретились. Искра, вспыхнувшая между ними еще в тот момент, когда она выходила из поезда, превратилась в пламя. Николай прикоснулся подушечкой большого пальца к ее губам, понимая, что он переступил границу, пересек точку невозврата. Все, на что ему осталось надеяться, – ее благоразумие, которое положит конец этому безумству. Но Эмма не шелохнулась. Ее прекрасные глаза были широко распахнуты.

Интересно, она догадывается, что с ним делает?

– Может, закажем поесть? – В ее голосе слышалась хрипотца.

Она снова посмотрела на Николая: ее глаза горели огнем желания. В тот момент ему меньше всего хотелось есть, но он не мог позволить себе поддаться охватившему его порыву. Несмотря на то что Николай твердо решил овладеть ею, в данный момент он должен был взять себя в руки.

Эмма медленно опустила глаза, ее губы были слегка открыты. Как Николай мог продолжать держать себя в тисках порядочности? Она была такой соблазнительной, такой искушающей. Когда Эмма вновь подняла глаза, в них бушевал ураган вожделения, которое незамедлительно отзывалось в его теле, растекаясь по венам. Было слишком поздно отступить. Существовал только один способ, чтобы охладить их пыл.

– Я действительно голоден, но мне нужна не еда.

Николай склонился к Эмме и легко прикоснулся губами к ее губам, не оставляя ей никаких сомнений в том, что ему от нее нужно. Сошел ли он с ума? Ему было все равно. Где-то глубоко внутри Николай понимал, что поступает неправильно, целуя ее, но ему это нравилось.

Эмма едва могла дышать. Выражение его лица говорило само за себя. Он хотел ее. Эмма не понимала, почему была так уверена, она просто знала это, и все. До сих пор максимум, что у нее было с мужчиной, – это поцелуи. Но сейчас Эмма безошибочно распознала во взгляде его темных глаз желание.

Столько лет она была уверена в своей непривлекательности, и вот этот сильный, властный мужчина возжелал ее. И что еще удивительнее – она испытывала такое же желание. Ей хотелось попробовать на вкус его губы, почувствовать его объятия. Эмма находилась так далеко от дома, и все надежды, которые она возлагала на эту поездку, казалось, начали меркнуть, но сейчас все это потеряло смысл. Единственное, что теперь для нее имело значение, – обжигающая сила влечения. Она была желанна.

Последняя приемная мать говорила Эмме: лови момент. И теперь она собиралась поступить именно так.

Она никогда этого прежде не делала – не подпускала мужчину близко к себе, даже Ричарда, несмотря на то что надеялась на их совместное будущее. И теперь Эмма поняла почему. К Ричарду она питала исключительно дружеские чувства, а то, что она испытывала к Николаю с момента их встречи, было гораздо более глубоким. Ей ничего не оставалось, как только наслаждаться мгновением.

Если поцелует его, позволит себе оказаться в его крепких объятиях, будет ли это означать, что она ловит момент?

– Мне тоже, – тихо прошептала она.

Интересно, услышал ли ее Николай? Изгиб его бровей и пылкий взгляд показывали, что – да, он ее услышал и понял.

* * *

Он снова прикоснулся своими губами к ее рту, и на этот раз Эмма позволила ему углубить поцелуй. Жар охватил ее. Она знала: это гораздо больше, чем поцелуй. Это прелюдия к тому, чего она не делала раньше.

Но они не должны делать этого здесь! Их могут увидеть!

Ее сердце готово было выскочить из груди. Только это был не конец, а начало. Осознавая это и чувствуя необходимость стать наконец настоящей женщиной, которой знакомо желание и страсть, Эмма улыбнулась Николаю:

– Пойдем наверх.

Он внимательно посмотрел на нее, и она мысленно взмолилась, чтобы он не понял, насколько она неопытна. У такого мужчины, как он, наверняка было много любовниц, и он

точно не захотел бы связываться с застенчивой девственницей. Эмма надеялась, что сможет побороть стеснение. Все, что ей нужно сделать, – это отпустить себя и жить мгновением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.